

Артем Северный

A group of people in winter gear are looking out a circular porthole from inside a dark, industrial-looking structure. The porthole shows a bright, icy landscape with several figures standing in the distance. The scene is dimly lit, with the primary light source coming from the porthole, creating a high-contrast, blue-toned image. The figures outside are silhouetted against the bright light, and the interior of the structure is dark and textured.

Арифметика пустоты

Артем Северный

Арифметика пустоты

<https://litres.ru/74669819>

SelfPub; 2026

Аннотация

Антарктическая станция «Азимут-4» полностью отрезана от мира на девять месяцев долгой полярной ночи. Шесть опытных полярников заступают на дежурство, готовые к изоляции и экстремальным холодам. Но ледяное плато хранит чужие секреты. Сначала повар замечает на кухне лишнюю тарелку, затем тепловизор упрямо фиксирует в пустых коридорах седьмой температурный маркер. Самый липкий ужас подкрадывается в темноте кают: начальник смены находит на собственной постели свежую вмятину от чужой головы и хранящие тепло простыни. Пытаясь спастись от безумия, команда наглухо заваривает склады с едой, но цена карантина оказывается страшной. Паранойя побеждает логику, когда из радиорубки на материк уходит чужая радиограмма с голосом и почерком доктора. Кто этот седьмой, крадущий их ресурсы, голоса и жизни?

Содержание

Глава I. Белый занавес	4
Глава II. Ошибка тепловизора	9
Глава III. Призрак на чужой койке	16
Глава IV. Дневник сорок седьмого года	21
Глава V. Железный карантин	26
Глава VI. Тот, кто крадет голоса	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Арифметика пустоты

Глава I. Белый занавес

Снег не падал — он летел горизонтально, срезая углы жилых модулей как наждак. Полярный спецборт «Ил-76» ухаживал на север, надрывно надсаживая двигатели в разреженном, промороженном до минус пятидесяти воздухе. Тяжелая серая птица оставила на снежной полосе «Азимута-4» лишь плотные шлейфы керосинового чада и гору деревянных ящиков с годовым запасом провизии.

Леонид стоял у края взлетно-посадочной полосы, поглубже пряча лицо в жесткий меховой воротник штормовки. Сквозь мутный пластик защитных очков он провожал взглядом гаснущие габаритные огни самолета. С этого мгновения они были отрезаны от цивилизации на долгие девять месяцев. Девять месяцев, за которые большая земля не сможет прислать сюда даже спичечную коробку.

— Ну что, док, добро пожаловать в морозильник, — раздался в наушнике рации хриплый голос Степана Степановича.

Дед, как все звали пожилого дизелиста-механика, уже всю орудовал рычагами малого снегохода, подтаскивая волокуши к ящикам с консервами. Его седая борода под маской превратилась в сплошной кусок льда.

— Не отставай, Леонид, — добавил Павел, инженер по технике безопасности, присланный управлением для контроля за консервацией старых блоков. Он стоял чуть поодаль, проверяя показания наружного хронометра. На его новеньком, еще не обтертом буранами комбинезоне ярко светились светоотражающие полосы. — Метель усиливается. Если не затащим припасы на склад за час, их погребет так, что до весны не откопаем.

Леонид молча кивнул и подхватил тяжелый ящик с маркировкой «МЕД/ПРЕПАРАТЫ/СРОЧНО». Станция «Азимут-4» встретила их тишиной, какая бывает только на кладбищах или на дне океана.

Inside жилого модуля пахло сухим, перегретым электрическими пушками воздухом, застоявшимся машинным маслом и жареным луком. Матвей, добродушный круглолицый повар и в прошлом флотский кок, уже вовсю хозяйничал на камбузе. Из динамиков под потолком тихо шипела старая джазовая запись, которую связист Вадим крутил со своего пульта в радиорубке.

Ближе к вечеру вся шестерка собралась в кают-компании за длинным столом из ламинированного пластика.

— За прибытие и успешную заступку, — Леонид поднял кружку с крепким, обжигающим чаем.

Напротив него сидела Алина — совсем молодая девчонка, гляциолог, для которой эта экспедиция была первой в жизни. Она то и дело потирала озябшие пальцы и с благогове-

нием смотрела на матовые стены модуля, за которыми бесчинствовала антарктическая ночь.

— Главное, чтобы дизель не чихал, — проворчал Дед, шумно прихлебывая суп. — Старик-то изношен. Если третья секция встанет, придется нам, Алина, твой древний лед прямо в каютах изучать. Изнутри.

— Не встанет, Степаныч, я графики проверил, запас прочности есть, — сухо отозвался Павел, делая пометку в своем электронном планшете. Он вообще редко поднимал глаза от экрана, словно вся реальная жизнь станции была записана в его таблицах, а не происходила здесь и сейчас.

Вадим, сидевший с краю, молчал. Его бледное лицо, подсвеченное экраном смартфона, казалось почти прозрачным. Он лишь изредка кивал своим мыслям, слушая эфирный шум в наушнике, который не снимал даже за едой.

Ужин подходил к концу, когда Матвей вернулся из кухни с подносом, чтобы собрать пустые тарелки. Он внезапно замер у края стола, растерянно пересчитывая посуду одними губами.

— Слышь, Вадим, — позвал кок, нахмурившись. — Ты что, ко мне на раздачу два раза подходил?

Связист медленно поднял голову, вытащил один наушник: — В смысле? Нет. Я как сел, так и сижу. А что?

Матвей почесал затылок, гремя тарелками.

— Да ерунда какая-то. Я суп разливал прямо из кастрюли. Четко помню: взял шесть глубоких мисок. Нас же шестеро?

Шестеро. А на столе сейчас... — он выставил тарелки в ряд на подносе. — Смотрите. Раз, два, три, четыре, пять, шесть. И вот еще одна, седьмая. Полная, до краев. Кому налил?

За столом воцарилась короткая, глухая тишина. Было слышно только, как снаружи, за тройным стеклопакетом, с своим бьет в железную обшивку шквальный ветер.

— Загонялся ты, Матвейка, на первый день-то, — добродушно усмехнулся Дед. — Рука на автомате лишнюю плоскую цапнула. Бывает. Неси сюда, я добавку уважаю.

— Да нет же, — Матвей побледнел, глядя на дымящийся бульон в седьмой тарелке. — Я приборы считаю. Ножей шесть, вилок шесть. А тарелок — семь. Я не мог из стопки лишнюю взять, они у меня поштучно в сушилке зажаты, чтоб при качке не бились. Старая привычка.

— Ладно, кончай мистику разводить, — Леонид мягко, но настойчиво забрал у повара поднос. — Все устали после разгрузки. Кислородное голодание, акклиматизация. Матвей, иди отдыхай. Посуду завтра до зари посчитаешь.

Повар нехотя кивнул, но уходя на кухню, еще раз обернулся и посмотрел на стол, словно пытался разглядеть там то, чего остальные не видели.

Позже, когда станция погрузилась в режим экономии энергии и в коридорах загорелся тусклый дежурный свет, Леонид долго не мог уснуть. Он лежал на своей узкой койке, слушая, как поскрипывают под напором урагана опорные сваи модуля.

«Шесть человек», — думал доктор, глядя в темный потолок. Леонид, Вадим, Матвей, Степан, Павел, Алина. Ровно шесть подписей в контракте. Ровно шесть коек занято в жилом блоке.

Он повернулся на бок и закрыл глаза. Из вентиляционной решетки над дверью едва слышно потянуло странным, едва уловимым запахом — холодом, сыростью и старой, давно не проветривавшейся одеждой. Но Леонид списал это на особенности циркуляции воздуха в старых каютах и наконец заснул.

До того момента, как Вадим обнаружит странную аномалию на внешних датчиках, оставалось чуть меньше двух недель.

Глава II. Ошибка тепловизора

Полярная ночь окончательно захлопнула свои тиски. Граница между днем и ночью стерлась, уступив место бесконечному монотонному полумраку, который снаружи едва подсвечивался мертвенным сиянием прожекторов. Внутри станции «Азимут-4» воздух стал казаться тяжелым, словно его уже несколько раз прогнали через легкие одних и тех же людей.

Вместе с темнотой пришло то, чего Леонид, как врач, опасался больше всего, — синдром полярного напряжения. Нервы истончились, и любая мелочь теперь могла послужить детонатором.

Конфликт вспыхнул во время утренней пересменки у главного распределительного щита. Степан Степанович, тяжело дыша и вытирая масляные пальцы о ветошь, свирепо смотрел на Павла. Инженер по технике безопасности, как всегда аккуратный и холодный, стоял со своим неизменным планшетом, преграждая Деду проход в аппаратную.

— Ты мне тут своими бумажками не тычь, малец! — баял Степаныч, и его широкая грудь ходила ходуном. — Я этот дизель по звуку поршня знаю, когда ты еще под стол пешком ходил. Секция три дает перерасчет горючки, потому что форсунки изношены, а не потому, что я вентиль забыл прижать!

— Существуют жесткие регламенты эксплуатации в условиях экстремально низких температур, Степан Степанович,
— монотонно, без единой эмоции в голосе отвечал Павел.
— Согласно электронному журналу расхода, за последние две недели со склада ушло на триста литров солярки больше, чем требует система отопления при текущем ветре. Либо у вас утечка, которую вы не способны локализовать, либо...

— Либо что?! Что ты шьешь мне, тыловая крыса? — Дед шагнул вперед, нависая над инженером. — Думаешь, я её пью, солярку эту?!

— Я думаю, что кто-то халатно относится к ресурсам жизнеобеспечения, — отрезал Павел, даже не шелохнувшись.
— И если перерасход продолжится, к началу антарктической зимы мы останемся с пустыми баками. Я обязан зафиксировать это в рапорте для управления.

— Да пошел ты со своим рапортом! — Дед швырнул тяжелый гаечный ключ на металлический пол. Грохот эхом разнесся по узкому коридору. — Леонид, ну хоть ты ему скажи!

Леонид, как раз проходивший мимо из медицинского отсека, мягко положил руку на плечо дизелиста. — Тихо, Степаныч, остынь. Павел, ваши расчеты точны? Дриста литров — это серьезный объем, его нельзя списать на погрешность форсунок.

— Абсолютно точны, доктор, — Павел развернул экран планшета, демонстрируя ровные столбцы графиков. — Более того, тает не только топливо. Матвей сегодня утром об-

наружил нехватку трех коробок с мясными концентратами на сухом складе. Сами они испариться не могли. У нас либо крысы, которых здесь быть не может физически, либо кто-то занимается неучтенным потреблением.

— Ты на кого намекаешь, сученок?! — снова взвился Дед, но Леонид жестко удержал его за локоть.

— Прекратить. Оба, — повысил голос Леонид. — Мы заперты в этой жестянке на 9 месяцев. Если мы начнем грызть друг другу глотки из-за банок с тушенкой, до весны доживут только самые тихие. Павел, закройте отчет. Мы проведем полную ревизию складов вместе. Степаныч, займись компрессором.

Дед сплюнул на пол, подобрал ключ и, сильно припадая на левую ногу, ушел в сторону дизельной. Павел проводил его ледяным взглядом, сделал отметку в планшете и, не сказав больше ни слова, направился к себе.

Леонид вздохнул, чувствуя, как подкатывает глухая, давящая головная боль — верный спутник кислородного голодания. Он повернулся, чтобы пойти на камбуз и выпить кофе, но в этот момент динамик внутренней связи над его головой затрещал. Голос Вадима, обычно тихий и монотонный, сорвался на неестественный, испуганный фальцет:

— Доктор... Леонид... зайдите в радиорубку. Срочно. Все зайдите.

В радиорубке пахло перегретой канифолью и озоном. Вадим сидел перед главным пультом, вцепившись пальцами в

край металлической столешницы так, что побелели костяшки. На его лбу выступили крупные капли пота. Перед ним на тридцатидюймовом мониторе светилась интерактивная схема охранного периметра станции — сетка наружных и внутренних тепловизоров, реагирующих на любое инфракрасное излучение.

— Что случилось, Вадим? — Леонид быстро вошел, следом втиснулись встревоженный Матвей и прибежавшая из лаборатории Алина. Последними, хмуро поглядывая друг на друга, зашли Павел и Дед.

— Я... я проводил плановую калибровку датчиков движения и тепла после ночного бурана, — заикаясь, заговорил связист, указывая дрожащим пальцем на экран. — Система определяет биологические объекты по объему выделяемого тепла и массе. Смотрите на жилой блок «А».

Леонид присмотрелся. На схеме жилого модуля мерцали аккуратные зеленые точки с цифровыми маркерами. — Ну вот мы, — Павел ткнул пальцем в экран. — Шесть точек в радиорубке. Всё верно.

— Да не туда смотрите! — почти закричал Вадим, и его рука затряслась сильнее. — Смотрите на галерею перехода к складу припасов. Я переключил на внутренний контур.

Вадим щелкнул тумблером. Экран обновился, показывая длинный, узкий коридор, соединяющий жилой сектор с заваренным снаружи складом. В самом центре этого коридора, прямо между стыками плит, неподвижно горел **седьмой**

тепловой маркер. Прибор четко определял его параметры: температура ядра — тридцать шесть и шесть, масса — около восьмидесяти килограммов.

— Это что за глюк? — нахмурился Дед, подаваясь вперед. — Там же никого нет. Там коридор пустой, я три минуты назад оттуда пришел.

— Я три раза перезагружал сервер, — прошептал Вадим, глядя на Леонида безумными глазами. — Я думал, это наводка от кабеля или нагрев трубы. Но не дура. Видите? Маркер колеблется. Объект... он дышит. Он стоит прямо посередине перехода.

Все замерли, глядя на зеленую точку на экране. Она была такой же четкой и яркой, как и маркеры каждого из них.

— Павел, — Леонид почувствовал, как внутри все медленно каменеет. — На камере наблюдения что-то есть?

Инженер быстро застучал по клавишам своего пульта, выводя на соседний монитор картинку с оптической камеры перехода. Коридор, залитый тусклым люминесцентным светом, был абсолютно, кристально пуст. Никого. Только голые гофрированные стены и закрытая гермодверь в конце.

— Камера ничего не видит, — тихо сказал Павел, и в его всегда уверенном голосе впервые прорезалась трещина. — А тепловизор... тепловизор показывает, что там кто-то стоит.

Вдруг зеленая точка на экране Вадима шевельнулась. Она медленно, методично сделала три шага по направлению к жилому блоку, в котором они все находились, и снова замер-

ла.

Алина стояла, прижав ладони к груди. Ее пальцы, испачканные в синьке после маркировки ледяных кернов, мелко дрожали. Лицо девушки стало блее, чем снег за обшивкой. Она переводила взгляд с пустой серой киноплёнки коридора на яркий зелёный маркер, который только что сделал три шага в их сторону.

— Этого не может быть... — прошептала она, и ее голос сорвался. — Прибор ошибается. Скажите, что это ошибка! Вадим, ну сделай же что-нибудь! Перезапусти его еще раз!

— Я уже трижды его перезапускал, Алина, — глухо отозвался связист, не отрывая взгляда от экрана.

— Послушайте, — вмешался Павел, хотя его кадык нервно дернулся. — Биологический объект не может быть невидимым для оптической камеры и одновременно излучать тепло в инфракрасном диапазоне. Это противоречит физике. Скорее всего, мы имеем дело с наводкой от силового кабеля дизеля, который как раз проходит под обшивкой перехода. Металл нагрелся, датчик сбоит.

— Кабель идет по левому борту, парень, — угрюмо перебил его Дед. — А точка стоит ровно по центру. И трубы там только с антифризом, они холодные как лед. Так что физику свою в карман спрячь. Там кто-то есть.

Алина вдруг резко отступила назад, натолкнувшись спиной на медицинский шкаф. — Хватит! Прекратите спорить! — в ее глазах блеснули слезы истинного, первобытного стра-

ха. — Вы что, не понимаете? Еда пропадает. Топливо уходит. Тот, кто налил лишний суп в первый день... он не улетел на самолете. Он остался здесь. С нами.

В радиорубке повисла тяжелая, ватная тишина. Никто не решился ей возразить. Леонид молча подошел к шкафу, достал из походного чемодана тяжелый ручной тепловизор «Флир» и проверил заряд батареи.

— Всем оставаться здесь, — твердо сказал доктор, застегивая штормовку. — Вадим, води меня по рации. Я иду в переход.

Глава III. Призрак на чужой койке

В коридоре перехода пахло сухим кондиционированным холодом. Шаги Леонида гулко отдавались от рифленого железа под ногами. Каждые несколько метров он останавливался, подносил к глазам тяжелый окуляр ручного тепловизора и осматривал пустое пространство перед собой.

— Лёня, ты в трех метрах от него, — раздался в наушнике напряженный голос Вадима. Из-за помех он казался чужим и далеким. — Еще шаг. Он стоит прямо перед тобой. Правее.

Леонид поднял прибор. В желто-синем спектре экрана коридор выглядел мертвым, но ровно в том месте, куда указывал связист, воздух странно дрожал. Там не было четкого человеческого силуэта — скорее, смазанное, пульсирующее тепловое облако, медленно теряющее форму.

Доктор протянул руку вперед. Пальцы в толстой перчатке наткнулись лишь на пустоту, но ладонь явственно ощутила волну сухого, чужого тепла, словно он поднес руку к открытой духовке. Через секунду облако на экране ручного прибора резко сместилось вбок, скользнуло вдоль стены и исчезло в направлении жилого отсека.

— Он ушел, — выдохнул Леонид в микрофон. — Ушел в сторону кают. Вадим, на общем мониторе видишь его?

— Потерял... — донеслось в ответ треск статики. — Он зашел в слепую зону между датчиками. Хватит с нас

на сегодня, док. Возвращайся.

Остаток дня прошел в гнетущем молчании. Никаких проверок и ревизий проводить не стали — каждый заперся в своей каюте. Растущее чувство тревоги парализовало станцию. Ночью Леонид так и не смог сомкнуть глаз. Около двух часов после полуночи он не выдержал, взял тепловизор и тихо, стараясь не скрипеть подошвами, вышел в темный коридор жилого модуля.

На станции действовал режим глубокой экономии энергии: горели только редкие синие маркерные лампы у пола. Леонид поднес прибор к глазам и пошел вдоль кают, заглядывая через приоткрытые двери.

Каюта Вадима — один длинный тепловой силуэт на койке. Каюта Деда — массивный оранжевый контур, слышно тяжелое сопение. Каюты Алины, Матвея, Павла... Всё было чисто. Шесть человек, каждый на своем месте.

Леонид дошел до конца коридора, развернулся и навел объектив на дверь собственной, замыкающей каюты. То, что он увидел на маленьком экране, заставило его сердце пропустить удар.

В его комнате, на его собственной узкой походной кровати, отчетливо светился яркий, ровный тепловой силуэт. Человек лежал под одеялом, повернувшись лицом к стене. Контуры плеч, изгиб спины, голова — всё было прорисовано системой с пугающей точностью.

Леонид опустил прибор. Дверь в его каюту была приот-

крыта на пару сантиметров. В темноте комнаты ничего не было видно. Он снова поднял тепловизор — силуэт на кровати лежал неподвижно, его грудная клетка едва заметно вздымалась и опускалась в такт дыханию.

«Первое правило зимовки, — вспыхнула в голове доктора инструкция полярных психологов. — Никогда не поднимай тревогу ночью. Четверо или пятеро испуганных, обезумевших от страха людей в железной коробке посреди вечной мерзлоты опаснее любого чужака. Начнется паника — поубиваем друг друга».

Леонид сглотнул подступивший к горлу ком, медленно протянул руку к выключателю на стене и резко щелкнул тумблером.

Яркий, безжалостный неоновый свет залил каюту.

Койка была абсолютно пуста. Синее шерстяное одеяло аккуратно заправлено, подушка лежала на месте. Но Леонид сделал шаг вперед и замер.

Одеяло посередине было слегка примято, словно секунду назад с него кто-то встал. Доктор протянул руку и коснулся простыни. Ткань была горячей. А на белой наволочке отчетливо виднелась глубокая, свежая вмятина от человеческой головы.

Леонид медленно опустился на стул у двери, положил тепловизор на колени и остался сидеть так, не выключая свет, до самого утра.

Когда по коридору разнесся утренний зуммер будильни-

ка, доктор поднялся. Его лицо осунулось, глаза воспалились от бессонницы. Ему нужен был план. План, который помог бы понять, с чем они столкнулись, пока паранойя окончательно не уничтожила команду.

В восемь утра Леонид зашел в кают-компанию, где Матвей как раз расставлял чашки с бледным кофе.

— Внимание всем, — голос начальника смены прозвучал сухо и официально. Герои, сонные и хмурые, уставились на него. — В связи с участившимися жалобами на утомляемость и симптомы ТДС, я объявляю внеплановый углубленный медосмотр. Прямо сейчас. Прошу всех по очереди заходить ко мне в медицинский блок. Начнем с тебя, Павел.

Это был единственный способ проверить то, что невозможно подделать физически. Леонид собирался лично взвесить каждого, измерить давление, температуру и, главное, сверить биометрические карты с личными делами, хранящимися в запечатанном архиве станции. Если среди них появился «лишний», его тело должно было подчиняться законам физики на весах.

Через два часа на столе Леонида лежали шесть заполненных бланков.

Павел — 78 килограммов. Вадим — 64 килограмма. Степан Степанович — 92 килограмма. Матвей — 85 килограммов. Алина — 52 килограмма. Сам Леонид — 80 килограммов.

Все показатели, включая группу крови, артериальное дав-

ление и даже рисунок радужки глаза, идеально, до последнего знака сходились с документами из центрального управления. Никаких двойников. Никакой подмены. На станции физически находились те самые шесть человек, которые подписали контракт на материке.

Леонид устало потер переносицу, собираясь убрать папки в шкаф. Он потянул за ручку архивной секции, но старый замок заело. Доктор дернул сильнее — железная панель обшивки скрежетнула, и из глубокой щели за медкартами на пол с тихим стуком выпал старый, покрытый слоем серой пыли канцелярский архивный скоросшиватель.

На его обложке не было ни фамилий, ни номеров. Только выцветший фиолетовый штамп: *«Станция Азимут-4. Экспедиция-1947. Секретно»*.

Леонид поднял папку, сдул пыль и раскрыл первую страницу.

Глава IV. Дневник сорок седьмого года

Бумага была шершавой и хрупкой, края страниц давно пожелтели и крошились под пальцами, оставляя на смотровом столе Леонида мелкую коричневую крошку. Чернила — старые, фиолетовые, местами выцветшие до прозрачности — были выведены аккуратным, убористым почерком советского полярного врача Петра Вершинина.

Леонид углубился в чтение, и с каждой строчкой волоски на его предплечьях поднимались дыбом. Это был не просто отчет, это была хроника медленного, методичного схождения с ума целой смены.

>*«12 ноября 1947 года. Зимовка идет тридцать седьмой день. На станции душно. Товарищ Кравцов (повар) сегодня снова устроил выговор дежурному по столовой. Утверждает, что в кастрюле не хватает ровно одной порции каши, хотя раскладку делал строго на шестерых. Списали на общую утомляемость. Рекомендовал Кравцову увеличить дозу витамина В1».*

Леонид перевернул страницу. Пальцы доктора слегка дрожали.

«4 декабря 1947 года. Ночью

проснулся от ощущения чужого
присутствия. В
моей каюте стоял тяжелый, затхлый
запах, какой бывает в
непроветриваемых
подвалах. Зажег керосиновую лампу
— комната пуста, но постель соседа
по
комнате, инженера Громова, была
смята. Самое странное, что сам
Громов в эту
ночь дежурил у генератора на
нижнем ярусе. Кто лежал на его
месте?
Расспрашивать ребят не стал, чтобы
не сеять панику. Нервы у всех на
пределе
из-за бесконечной метели».

— Док, ты чего там застрял? — раздался от двери тихий,
вкрадчивый голос.

Леонид вздрогнул и резко захлопнул папку, едва не порвав хрупкую обложку. В дверном проеме медицинского отсека стоял Вадим. Связист выглядел ужасно: под глазами залегли черные тени, кожа казалась серой в синеватом свете люминесцентных ламп. Он держал в руке пустую кружку и внимательно, как-то слишком пристально смотрел на старый скоросшиватель в руках Леонида.

— Нашел что-то интересное? — спросил Вадим, делая шаг в комнату. Глаза его лихорадочно блестели. — Про наши «глюки» с тепловизором?

— Да так, старые архивы, — Леонид постарался, чтобы его голос звучал максимально обыденно. Он убрал папку в ящик стола и запер его на ключ. — Смотрю, как раньше с полярным синдромом боролись. Ты чего не спишь, Вадим? Твоя смена на пульте только через четыре часа.

— Не могу, — Вадим дернул плечом и посмотрел на запертый ящик. — В ушах шумит. Эфир чистый, Лёня, понимаешь? Абсолютно чистый. Материк молчит уже вторые сутки из-за магнитной бури, а я в наушниках слышу... шаги. Как будто кто-то идет по коридору, но очень медленно. И шуршит. Как старая одежда.

Леонид поднялся, подошел к связисту и мягко взял его за запястье, нащупывая пульс. Сердце Вадима колотилось как сумасшедшее — за сотню ударов в минуту.

— Это акустические галлюцинации, Вадим. Из-за монотонного шума генераторов и изоляции. Я выпишу тебе легкое успокоительное. Марш в каюту.

Когда связист, неохотно развернувшись, ушел, Леонид снова достал дневник Вершинина. Он пролистал сразу к концу, туда, где записи становились рваными, а почерк — размашистым и небрежным, словно врач писал в спешке или в состоянии крайнего ужаса.

>*«18 января 1948 года. Нас больше не шесть. Я не знаю,

когда это началось, но приборы учета топлива показывают перерасход. Мы заварили склад, но это не помогло. Ночью ОНИ приходят. Я видел одного в коридоре — у него нет лица, только смазанный контур, но он движется так же, как я. Он носит мою старую штормовку, которую я списал месяц назад. Ребята смотрят на меня с подозрением. Они думают, что это я краду продукты. Но я знаю... Скоро прилетит весенний борт».*

Последняя запись на самой окраине пожелтевшего листа состояла всего из нескольких предложений. Чернила в этом месте были размазаны, словно на них упала капля воды или пота.

«27 февраля 1948 года. Самолет
сел. Мы бежим к нему. Но на
взлетной
полосе... Господи, помоги нам. Мы
посчитали друг друга у трапа. Из
дверей
станции вышло шесть человек. Но в
самолет поднялось семеро. И никто
из нас не
смог вспомнить, кто именно был
седьмым. Мы все знали его всю
жизнь. И мы все
его не знали».

Леонид медленно закрыл дневник и откинулся на спинку

стула. В этот момент станцию сильно тряхнуло.

Где-то глубоко внизу, на технологическом ярусе, натужно и страшно взвыл главный дизельный генератор. Свет в медицинском отсеке моргнул, погас на несколько секунд, а затем загорелся снова, но уже вполсилы, сменившись на тревожный темно-янтарный цвет аварийного освещения.

Из динамиков под потолком раздался бешеный, прерывистый рев сирены, а вслед за ним — грохот ударов по металлической обшивке. Метель снаружи переросла в настоящий ураган, и, судя по звукам, ледяной наст пробил внешнюю защиту одного из технических отсеков. Команде нужно было действовать, и немедленно, если они не хотели замерзнуть живьем в ближайшие несколько часов.

Глава V. Железный карантин

Аварийный янтарный свет превратил коридоры «Азимута-4» в подобие подземного лабиринта, где за каждым изломом гофрированных стен залегли глубокие, маслянистые тени. На нижнем технологическом ярусе, прямо под жилым сектором, воздух был ледяным. От ураганного ветра, пробившего внешнюю вентиляционную заслонку, стены ходили ходуном, издавая натужный железный скрежет.

— Держи щит, Пашка! Наваливайся всей тушей, кому говорю! — яростно перекрикивал рев бурана Степан Степанович.

Механик, по пояс высунувшись в технологический люк, пытался зафиксировать деформированную металлическую створку. Из пробоины хлестал плотный, сухой снег, мгновенно превращая пол в каток. Павел, бледный, с налитыми кровью глазами, упирался плечом в тяжелую распорку. Его электронный планшет валялся в стороне, засыпанный ледяной крошкой.

— Не держит, Степаныч! — сквозь зубы прорычал инженер, и его ноги скользили по обледенелому железу. — Металл повело! Системное давление падает, если контур не закроем, антифриз в третьем блоке замерзнет через десять минут!

— Закроем! — Дед с глухим рыком рванул рычаг гидрав-

лического домкрата. Металл застонал, вставая в пазы. Скрежет прекратился. Поток ледяного воздуха оборвался, оставив после себя лишь свист ветра за толстой броней обшивки.

Павел бессильно сполз по стене, тяжело дыша и глядя на свои обмороженные до черноты перчатки. — Все... Давление стабилизируется. Дизель вытянет.

Леонид, дежуривший у распределительного щита с портативной аптечкой, шагнул к ним, чтобы осмотреть руки Павла, но его отвлек тихий, прерывистый стук со стороны дальнего угла отсека. Там, за массивными цистернами с отработанным маслом, находился старый технический тупик, не использовавшийся последние двадцать лет.

— Кто там? — Леонид поднял мощный фонарь, направляя луч в темноту. — Вадим? Матвей?

В желтом круге света среди ржавых труб показался силуэт. Это была Алина. Девушка сидела прямо на ледяном полу, подтянув колени к подбородку. Ее комбинезон гляциолога был расстегнут, а меховой воротник покрылся инеем. Она не реагировала на свет фонаря, невидящим взглядом уставившись в одну точку перед собой. Ее губы едва заметно шевелились, беззвучно отсчитывая какой-то ритм.

— Алина! — Леонид быстро подбежал к ней и опустился на колени. — Ты как здесь оказалась? Ты же должна была оставаться в радиорубке с Вадимом!

Когда доктор коснулся ее плеча, девушка резко вздрогнула и отпрянула, издав тонкий, почти мышинный писк. В ее

глазах застыл такой глубокий, животный ужас, что Леониду самому стало не по себе.

— Он... он приходил туда, — прошептала Алина, и ее зубы начали отбивать чечетку от холода и пережитого шока. — В радиорубку. Вадим отвернулся к оборудованию, а за его спиной... у пульта... сидел еще один Вадим. Такой же. В такой же рваной кофте. Только у него не было лица, Леонид. Понимаешь? Просто гладкое, теплое место вместо кожи... Оно дышало. Оно смотрело на меня!

— Тихо, тихо, Алина, это галлюцинация, гипоксия, — Леонид попытался поднять ее, но девушка вцепилась пальцами в его рукав.

— Нет! Я побежала сюда, а оно шло за мной. Оно не стучит подошвами, оно шуршит! И оно голодное, Лёня... Оно забирает нашу еду, потому что без нее оно не может стать нами!

Конфликт вспыхнул с новой силой, когда команду наконец собрали в кают-компании. На этот раз Павел, несмотря на обмороженные пальцы, был настроен решительно. Он выложил на стол свой табель безопасности.

— Мне плевать на полярный синдром и ваши сказки про безликих призраков, — жестко сказал инженер, глядя на притихшего повара Матвея и бледного связиста Вадима, который клялся, что никого не видел у себя в рубке. — Налицо факт саботажа и хищения припасов. Кто-то из нас либо сошел с ума и уничтожает ресурсы, либо сознательно морит

команду голодом. Мое решение: жесткий карантин.

— Что ты предлагаешь? — хмуро спросил Дед.

— Мы полностью завариваем продовольственный склад. Оставляем только небольшое раздаточное окно. На дверь я вешаю три механических замка с разными ключами. Один ключ будет у меня, один у доктора Леонида, один у Степаныча. Чтобы открыть склад, нужны будут все трое одновременно. Тот, кто ходит туда по ночам, останется без припасов. Мы поймаем его на истощении.

Идея Павла была принята без возражений — страх перед голодной смертью во льдах перевесил внутренние споры. Уже через час Дед с помощью сварочного аппарата наглухо заблокировал массивную гермодверь хранилища, оставив лишь узкую прорезь. Три замка зловеще блестели в янтарном свете коридора. Ключи на тяжелых стальных цепочках заняли свои места на шеях Леонида, Павла и Степаныча.

Первая ночь «железного карантина» выдалась неестественно тихой. Датчики движения, которые Вадим перенастроил на максимальную чувствительность, молчали. Седьмая точка на экране тепловизора больше не появлялась. Леонид, сидевший в своей каюте с запертой дверью, впервые за долгое время смог задремать на пару часов. На мгновение показалось, что план Павла сработал и угроза отступила, отрезанная от ресурсов.

Но рассвет, который в полярную ночь определялся только по часам, принес новую, еще более страшную плату за этот

покой.

В назначенное время Алина не пришла на завтрак. Когда Леонид и Павел выломали дверь в ее исследовательскую лабораторию, они застыли на пороге.

В комнате было темно и холодно — приборы замера ледяных кернов были отключены. Алина сидела за своим рабочим столом. Ее глаза были широко открыты и устремлены в потолок, а из рта змейкой сбегала тонкая струйка замерзшей слюны. Она была жива, но находилась в состоянии глубочайшего, пограничного кататонического ступора, не реагируя ни на свет зрачкового фонарика, ни на уколы нашатыря.

А прямо перед ней на стене, залитой люминесцентным светом, жидкой темно-бордовой кровью из ее собственного прокушенного пальца были выведены семь ровных, аккуратных вертикальных черточек. Последняя, седьмая черта была заметно длиннее остальных, словно тот, кто заставил ее это сделать, до последнего удерживал ее руку.

Глава VI. Тот, кто крадет голоса

Медицинский блок «Азимута-4» превратился в импровизированную палату строгого режима. Алина лежала на кушетке под тремя шерстяными одеялами, неподвижная, со стеклянным, устремленным в никуда взглядом. Ее дыхание было едва заметным, поверхностным, а пульс упал до критических сорока пяти ударов в минуту. Леонид закрепил на ее предплечье манжету тонометра и ввел поддерживающий раствор глюкозы, но понимал: медицина здесь бессильна. Это был не физический недуг. Настоящий ужас парализовал разум девушки, заперев его в глубоких лабиринтах комы.

— Док, ты должен это видеть, — в приоткрытую дверь заглянул Вадим. Связиста трясло, его пальцы, сжимавшие чашку со старым остывшим чаем, мелко стучали по пластику. — Срочно. В радиорубку. ОНО... оно заговорило.

Когда Леонид вошел в аппаратную, там уже сидели Павел и Матвей. Повар затравленно озирался, сжимая в руке тяжелый кухонный нож, словно тот мог защитить его от невидимого врага. Янтарный свет аварийных ламп делал лица полярников похожими на восковые маски.

— Час назад магнитная буря немного утихла, — быстро, глотая слова, заговорил Вадим. Он нажал кнопку на магнитофоне. — Появилось окно для связи с материком. Система автоматически начала передачу накопленных за дни изоля-

ции пакетов данных. Я залез в исходящий лог. Послушай, что ушло в Арктический центр тридцать минут назад. Ровно в три часа ночи, когда мы все, согласно графику дежурств Павла, спали под замками.

Из динамика радиостанции сквозь треск статики и глухой полярный гул раздался голос.

Леонид почувствовал, как внутри у него все оборвалось. Это был его собственный голос. Тот самый баритон, с теми же характерными интонациями, легкой хрипотцой от вечно-го полярного сухого воздуха и специфической манерой растягивать гласные.

>*«...Говорит начальник смены "Азимут-4" доктор Леонид. На станции зафиксирована авария третьего дизельного блока, последствия локализованы. Зимовка проходит в штатном режиме. Все системы жизнеобеспечения функционируют под контролем. Наш состав — семь человек. Повторяю: нас семеро. Ждем весенний эвакуационный борт согласно графику. Конец связи».*

— Я этого не говорил, — тихо, но отчетливо произнес Леонид, глядя на притихших товарищей. — Я всю ночь провел в меблоке рядом с Алиной. Павел, ты же сам заходил ко мне в два часа проверить замки!

— Заходил, — сухо ответил инженер по технике безопасности. Он медленно поднялся со своего стула и сделал шаг назад, поближе к Деду, который только что вошел в рубку, тяжело опираясь на свою хромую ногу. — Ты был там, Лео-

нид. Но ключ от радиорубки и дубликат главного терминала есть только у тебя и у Вадима.

— Ты на что намекаешь, Паша? — Леонид сузил глаза. — Думаешь, я раздвоением личности страдаю? Сам тайно хожу по ночам и строчу радиогаммы?

— Я верю фактам, — Павел вытащил из кармана распечатанный бланк исходящего сообщения. — Мало того, что ушла аудиозапись. Система требует физического подтверждения личности начальника смены. Посмотри на бланк.

Инженер швырнул лист на пульт. Леонид взял его в руки. В графе «Авторизация подписи» стоял сканированный оттиск его собственной руки. Но страшнее было другое: текст сообщения, набранный на бланке, был написан от руки. Стил, наклон букв, характерное написание заглавных — это был почерк Леонида.

Доктор бросился к своему карману, выхватил связку ключей и вытащил из каюты тот самый пожелтевший дневник советского врача 1947 года, который он прятал под матрасом. Он с грохотом раскрыл его перед Павлом на странице с последней предсмертной записью Петра Вершинина.

— Смотрите! — закричал Леонид, тыча пальцем в старые фиолетовые чернила. — Смотрите на этот почерк!

Павел, Дед и Матвей наклонились над столом. Вадим затаил дыхание.

Почерк советского доктора Вершинина, погибшего сорок лет назад в этой же ледяной пустыне, и свежие строчки ноч-

ной радиограммы на термобумаге были неотличимы. Каждая петля, каждый наклон, каждая ошибка в формулировках совпадали один в один. Это был один и тот же человек.

— Это не я, — прошептал Леонид, чувствуя, как паранойя, о которой он читал в медицинских учебниках, начинает затапливать его собственный разум. — И это не Вершинин. Эта станция... время здесь не идет по прямой. Оно закручивается в спираль из-за этого проклятого ледяного плато. Лишний человек — это не пришелец. Это кто-то из нас, но из другого витка. Или все мы сразу.

— Док, — тихо и как-то жалобно протянул повар Матвей, отступая к выходу из радиорубки. — Ты это... остынь. Ты сам не свой. Почерк твой, голос твой. Может, ты реально... того? Полярка она ведь и не таких ломала.

— Назад! — рявкнул Павел, когда Леонид сделал шаг к нему, пытаясь забрать бланк. Инженер быстро залез в карман штормовки и вытащил тяжелый спасательный ракетница-пистолет, направив его прямо в грудь доктора. — Степаныч, Матвей, запирайте его в изоляторе меблока. Ключи от склада забрать. До выяснения обстоятельств начальник смены отстраняется от командования.

Леонид обвел взглядом команду. Вадим сидел, закрыв лицо р

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.